

НЕКОТОРЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕВЕРНОГО ПЕРИФЕРИЙНОГО ПОЛЬСКОГО ДИАЛЕКТА XVIII в.

(на материале польскоязычных заветаний,
составленных на белорусских землях)

Показаны некоторые результаты многовекового белорусско-польского языкового взаимодействия в морфологии северного периферийного польского диалекта XVIII в.; названы причины морфологической интерференции в изучаемом диалекте. Представлены примеры белорусского влияния, которое проявилось в поддержке архаических польских форм, употреблении форм, характерных только для белорусского языка, появлении гиперкорректных форм и инноваций.

Введение

Исследуемый нами северный периферийный диалект – это результат многовекового белорусско-польского языкового взаимодействия, которое до интересующего нас периода (XVIII в.) продолжалось уже четыре века. Многолетний контакт близкородственных языков не мог остаться без последствий: такое вза-

имодействие привело к формированию особого регионального варианта польского языка, используемого высшими слоями общества. Этот вариант в русско- и белорусскоязычной научной литературе называется формулировкой *северный периферийный польский диалект*, польские лингвисты используют термины *polszczyzna kresowa, dialekt północnokresowy*. Для названного диалекта характерны черты, свойственные развитию польского и белорусского языков, а также специфические особенности, сформировавшиеся в пределах самого диалекта (например, среди фонетических: деназализация *a* на конце слова), в том числе различные гиперкорректные формы. (Подробнее о терминологии см. работы З. Курцовой [1, с. 62-64], В. Веренича [2; 3]. Подробнее о языковой ситуации в Великом Княжестве Литовском см. исследования А.И. Журавского [4, с. 4; 5, с. 31-34], З. Курцовой [1, с. 17-43], В. Свежинского [6, с. 58-66]).

Материалом для нашего исследования послужили тексты польскоязычных заветаний из брестских и гродненских актовых книг XVIII в. [7], хранящихся в Национальном историческом архиве Беларуси (г. Минск).

Целью статьи является анализ морфологических особенностей северного периферийного польского диалекта и определение, как многовековое взаимодействие языков повлияло на их формирование.

Основная часть

У. Вайнрайх и Э. Хауген в своих работах доказывают, что в условиях языковых контактов взаимодействие между языками происходит не только в области лексики, но и на уровне фонетики и грамматики [8; 9].

У. Вайнрайх отмечает, что “грамматическая интерференция возникает тогда, когда правила расстановки, согласования, выбора или обязательного изменения грамматических единиц, входящие в систему языка S, применяются к примерно таким же цепочкам элементов языка C, что ведет к нарушению норм языка C, либо тогда, когда правила, обязательные с точки зрения грамматики языка C, не срабатывают ввиду их отсутствия в грамматике языка S” [8, с. 36]. Жлуктенко предлагает считать грамматической интерференцией “все изменения в грамматических формах, моделях, отношениях и функциях, совершающиеся в данном языке вследствие языкового контакта” [10, с. 103]. Иначе говоря, если речь идет о морфологии, то причина морфологической интерференции в отождествлении в сознании двуязычного носителя морфологических категорий одного языка с морфологическими категориями другого, а также в отождествлении способов их выражения.

Прежде всего, нас интересует *белорусское* влияние в морфологической системе северного периферийного польского диалекта. К такому влиянию относим поддержку архаических черт в развитии морфологических форм, интерференцию со стороны белорусских форм, а также инновации как результат собственного развития периферийного диалекта. Польско-белорусскому языковому взаимодействию способствуют близкие системы языков, близкая история развития грамматических категорий, общий пласт лексики, словообразовательных морфем.

Говорящий на двух близкородственных языках не всегда может проконтролировать выбор лексемы или грамматической формы, то есть не всегда можно говорить об осознанном контроле над выбором форм. В такой ситуации не исключены случаи привнесения элементов одного языка в другой, степень такого привнесения для каждого уровня языка имеет свои особенности. Частое перене-

сение номинации из одного языка в другой наиболее характерно для лексики. Если говорящий на двух языках отождествляет лексемы одного языка с лексемами другого, то он также переносит на них схемы взаимодействия и согласования, парадигмы словоизменения.

Среди причин интерференции, в том числе в области морфологии, можно назвать следующие: степень владения языком, какие сферы жизни он обслуживает (то есть если человек использует в жизни два языка для разных сфер общения, а не один, то вероятность интерференции возрастает). Определенную роль играет также престиж языка: стремление правильно говорить может порождать ошибки – гиперправильные формы. Немаловажно географическое положение языков: близкородственные соседствующие языки более подвержены взаимному влиянию.

Кроме того, не последнюю роль в возникновении интерференции играют и расхождения в грамматических структурах данных языков. Результаты взаимодействия языков проявляются чаще всего именно там, где их структуры не совпадают: например, в периферийном диалекте это лично-мужские формы, формы глаголов прошедшего времени. Но такие отклонения от нормы не влияют на взаимопонимание говорящих.

Близкородственные языки вовлекаются в более или менее сходные исторические процессы, которые имеют определенные результаты в соответствии с внутренней логикой развития каждого из языков. Если результаты процессов одинаковы или очень близки, то это не вызывает трудностей и существенных искажений при переходе с одного языка на другой у двуязычного носителя. Если результаты различны, то тогда может сработать эффект подстановки: используется форма родного языка, та форма, которая быстрее выдается подсознанием. Однако в развитии близкородственных языков одни и те же процессы приводят к тому, что в одном языке присутствует результат процесса в качестве грамматической категории или специфического выражения определенного грамматического значения, а во втором языке нет такого результата (∅). В этом случае двуязычный носитель часто не использует форм, не существующих в родном языке. (В исследуемом случае трудно сказать, какой из языков – польский или белорусский – был для говорящих родным, но вероятнее всего предположить, что им известны были два языка: более престижный в то время польский для общения в обществе, составления документов, а белорусский как язык общения с крестьянами). Попытка правильного использования форм может иметь место, и в таком случае возможны “пропуски” каких-то форм – так называемое “непоследовательное употребление”. Результатом стремления к правильности речи являются также различные сверхправильные формы, инновационные процессы. При длительном постоянном двуязычии возникают абсолютно новые формы и употребления, свойственные в исследуемом случае только северному периферийному польскому диалекту, которые развиваются уже в соответствии с его собственной внутренней логикой. При длительном двуязычии все искажения и подстановки могут приобретать регулярный характер и уже не осознаваться как “неправильность”.

Рассмотрим несколько примеров.

К архаическим чертам исследователи северного периферийного польского диалекта относят *отсутствие стабилизации окончаний существительных дательного падежа мужского рода единственного числа -u, -owi*. В течение XVI – XVII вв. происходит стабилизация употребления окончаний *-u, -owi* в системе склонения

существительных мужского рода [11, с. 300]. В исследуемых текстах мы видим некоторую непоследовательность в использовании окончаний *-owi*, *-u*. Такое явление можно рассматривать и как архаизм, и как результат влияния белорусских схем склонения. В белорусском языке в XIV – XVII вв. в дательном падеже существительных мужского рода наряду с окончанием *-у (-ю)* также было распространено окончание *-ови (-еви)*, которое впоследствии вышло из употребления. Остатки такой формы сохранились только в южно-западных говорах (Брестская область) [12, с. 106]. В анализируемом материале много правильных форм дательного падежа, но, например, часто повторяющиеся формы типа *synowi* можно квалифицировать как гиперправильные, так как форма с окончанием *u* могла казаться говорящим по-польски неверной.

Złotyч osm Jmci Dobrodzieju naszemu Plebanu; złotyч dwa Jmu Dobrodzieju Prezbiterowi Jezierskiemu; Zięciowi naszemu miętemu Jmci Panu Franciszkowi Eysymontowi; mieć chcę drugą zaś połowę wolną swobodną Jozefowi Kazimierzowi Leszczynskiemu Synowi mojemu jako Sukcessorowi naturalnemu Dobr wszystkim zapisuję; protekcją mięty malżące y Synowi daną Suplikuję; za ktore dalem Imc Panu Stefanowi Szweykowskiemu; synowi memu zapisuje wszelki sprzatt; Imci Xiędzu zas Swiatołowiczowi memu Patrochowi y Plebanowi a Loco locandi corporis leguіę złotyч Piędziesiąt; Za opiekunow pomienionemu Synowi memu Wincentemu; Chłopcowi Romanowi Ktoren zgodził się zemno rocznie Służyc.

К подобным чертам также можно отнести выражение категории одушевленности у существительных среднего рода и женского рода во множественном числе, а также мужского рода, не называющих лицо мужского пола. Винительный падеж множественного числа неличных существительных в примерах из текстов завещаний равен родительному падежу: *z którą Sptodziłem miłych dziątek naszych; Zegnam miłych Siostr y Bracię moią; Zegnam was miłych dziątek moich; miłe corki moie, ktorych zostawuіe w Panińskim stanie; zęgnaiąc tak dzieci moich miłych. upraszam azeby pamiętna była nad Duszą moią także y Dziełek moich miłych upraszam aby pamiętni byli; Supplementował Dzieciom na Szkoły aplikacye Ich do Publiki; aby na Dziełki moie Pamiętali krzywdzić Onych nikomu nie dopuszczali.*

Категория одушевленности/неодушевленности в текстах отражается последовательно. В северном периферийном польском диалекте развитие форм винительного падежа множественного числа, равного родительному падежу множественного числа, шло под влиянием белорусского языка, поэтому имело свои особенности. В белорусском языке родительный падеж, равный винительному во множественном числе, является выражением категории одушевленности и охватывает не только существительные мужского, но и женского рода. Ранние примеры употребления род.=вин. падежа у одушевленных существительных мужского пола встречаются в памятниках XV – XVI вв. Такие формы у существительных женского рода фиксируются с XVI в., а у названий животных – с XVII в. [12, с. 95]. При условии двуязычия и общей в обоих языках тенденции развития белорусское влияние заключается в распространении форм род.=вин. падежа во множественном числе у нелично-мужских существительных. То же касается и употребления местоимений *ich, je* [13].

Отсутствие в исследуемых текстах согласованности между лично-мужскими формами существительного и нелично-мужскими его определениями можно объяснить как периферийностью северного польского диалекта, так и отсутствием лично-мужской категории в белорусском языке, с которой диалект был в постоянном контакте. Поэтому очевидна возможность колебания в выражении

данной категории: *tym sie powinni Ojcowie Czerwaczyckie kontentowac; Czym tez pozostate krewni moie Ich mw v kontentowac mogo*. Это также проявляется в согласовании существительных с глагольными формами прошедшего времени: *y Dziatek moich miłych upraszam aby pamiętni byli na mszy Święte podług moznosci dali*. Здесь мы видим обратную ситуацию: с нелично-мужским существительным употреблена форма глагола на **-li**.

Морфонологического чередования **x // c'**, характерного для белорусского языка, в польском языке нет. Нами обнаружен интересный пример такого чередования в имени собственном в одном из текстов (завещание Блоцкого). Вероятно, это имя было хорошо известно завещателю, поэтому он произнес его во время составления документа так, как привык слышать и произносить. Вероятнее всего предположить, что писарь, записывающий завещание под диктовку, просто не понял значения слова (имени) либо не знал, как его правильно записать. Мы склоняемся к первому предположению, так как видно, что имя записано так, как должен быть записан возвратный глагол: *obrus co iest w Jp Zadernowskiej duzy Tkacki w kostke ten się Jeymci powinien zostac Cietuszek Trzy Starszą Zayczy się Drugą Petrukowi Kubiasiowi Trzecio Wasylowi Słobockiemu Poddanym moim*. Это белорусское имя *Зайчыха*, дательный падеж – *Зайчысе* (жена человека по фамилии или по прозвищу Заяц).

Интересной особенностью является удвоение личных окончаний глаголов в прошедшем времени 1-го лица единственного числа, отсутствие такого окончания. Подвижные личные окончания существуют в польском языке с XV в. [14, с. 153]. Представленный нами первый пример является гиперкорректным на фоне отсутствия подобных окончаний в белорусском языке. Пишущий в соответствии с требованиями польской грамматики “прикрепляет” подвижное окончание к местоимению перед глаголом, но, дойдя до глагола, добавляет еще одно окончание, потому что снова работает правило: у глагола должно быть личное окончание. Второй пример формально похож на предыдущий: конечное **m** местоимения **ktorem** – результат разложения носового на **om** перед **b**. Последние два примера формально похожи на правильные формы: у местоимений **wczym** и **ktorym** присутствует конечное **-m**, однако в этих случаях, возможно, не срабатывает следующий этап анализа грамматической формы: **m** в этих формах не глагольное, а “родное”, часть собственного окончания, а еще одного окончания – собственного глагольного – автор не добавляет: 1) *zegnám miłego matzaka mego... ktoregom Iezeli według ułomności Ludzkiej uraziłam przepraszam*; 2) *o zadno Rzecz ktorom bym dla męża mego w pozyciu znim Swiadczyła*; 3) *przepraszam wszytkich y Sąsiad bliskich ydalszych wczym naraził y nie wygodził*; 4) *ktorym to Jchm Xięzy Dominikańom od Mieysca na Msze Święte Vigilie na to y swiece Wino y Inne Pogrzebowe necessaria złotych Dwiescie naznaczył*.

В некоторых случаях в исследуемых текстах отрицательные местоимения в косвенных падежах с предлогом имеют формы, аналогичные белорусским: предлог стоит между отрицательной частицей и местоимением: *ni u kogo Innego tylko u Stryiow Swoich; Sýna mego y swego niwczym niezachce krzywdzic*.

В исследуемых текстах присутствуют также примеры морфологических особенностей периферийного диалекта, которые сформировались не под влиянием польского или белорусского языков, но вследствие собственного развития диалекта. Формы винительного падежа, равные родительному, как у одушевленных существительных мужского рода, З. Курцова объясняет вслед за Х. Турской результатом региональной тенденции к выравниванию именительного и вини-

тельного падежей существительных женского рода на -а, которая становилась основой для дальнейших инноваций: употребление окончаний родительного падежа в винительном падеже [1, с. 175]: *prosze miŕey matzaki y Dobrodziki moiey*. К этой группе явлений относим также изменения в типе склонения существительного *starzec* по аналогии с часто встречающимися лексемами *radca* или *stwórcza* либо по аналогии к *starosta*, именительный падеж существительного в таком случае реконструируется до *starca*: *Aktykacya Testamentu zesztęgo w Bogu Demiana Tatarynowicza starcy Rady*.

Заключение

Мы представили некоторые морфологические особенности северного периферийного польского диалекта XVIII в., сформировавшиеся в результате многовекового белорусско-польского языкового взаимодействия. Наше внимание в статье было обращено на те явления, которые возникли под влиянием структурных различий близкородственных языков. Это, например, касается категории мужского лица польского языка, в том числе согласования других частей речи с лично-мужскими существительными, способов выражения категории лица в прошедшем времени, белорусского морфонологического чередования $x \parallel c'$, а также белорусских форм отрицательных местоимений с предлогом. Также мы видим последствия морфологической интерференции в результатах аналогичных процессов перестройки систем склонения существительных мужского рода в польском и белорусском языках и в формировании категории одушевленности и способов ее выражения. А так как диалект сформировался как самостоятельное образование, то в нем присутствуют и особенности, характерные только для его истории развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Kurzowa, Z.** Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich: XVI – XX wiek / Z. Kurzowa. – Warszawa : PWN, 1993. – 499 s.
2. **Веренич, В.Л.** Состояние и перспективы исследования “польщизны кресовой” / В.Л. Веренич // Польские говоры в СССР, ч. 1. (Исследования и материалы 1967 – 1969 гг.). – Минск : Наука и техника, 1973. – С. 183–212.
3. **Вярэніч, В.Л.** Польскія перыферычныя гаворкі на ўсходзе / В.Л. Вярэніч // Польские говоры в СССР. Ч. 1. (Исследования и материалы 1967 – 1969 гг.). – Минск : Наука и техника, 1973. – С. 5–21.
4. **Жураўскі, А.І.** Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. / А.І. Жураўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1967. – Т. 1. – 371 с.
5. **Жураўскі, А.І.** Двухмоўе і шматмоўе ў гісторыі Беларусі / А.І. Жураўскі // Пытанні блінгвізму і ўзаемадзеяння моў / рэд. М.В. Бірыла, А.Я. Супрун. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – С. 18–49.
6. **Свяжынскі, У.** Народы і мовы / У. Свяжынскі // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал. Р. Пашкоў і інш. – Мінск : БелЭн., 2005. – Т. 1 : Абаленскі – Кадэнцыя. – 2005. – С. 58–66.
7. Национальный исторический архив Беларуси. – Брестский земский суд. – Актовая книга. – Фонд 1741. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 139–142; Д. 31. – Л. 651–654, 939–942, 1833 – 1836. Брестский магистрат. – Актовая книга. – Фонд 1786. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 159–165, 625–628; Д. 6. – Л. 207–214. Гродненский земский суд. – Актовая книга. – Фонд 1755. – Оп. 1. – Д. 58. – Л. 308–309; Д. 59. – Л. 137–138, 287–288; Д. 60. – Л. 1–2, 66–670.
8. **Вайнрайх, У.** Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. – Вып. 6. Языковые контакты. – М., 1972. – С. 25–60.
9. **Хауген, Э.** Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – Вып. 6. – М., 1972. – С. 61–80.

10. **Жлуктенко, Ю.А.** Лингвистические аспекты двуязычия / Ю.А. Жлуктенко. – Киев : Издательство Киев. гос. унив. “Вища школа”, 1974. – 176 с.
11. **Klemensiewicz, Z.** Historia języka polskiego / Z. Klemensiewicz. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999. – 830 s.
12. Нарысы па гісторыі беларускай мовы / рэд. А.Я. Бірыла, М.Г. Булахаў, М.А. Жыдовіч. – Мінск : Дзярж. вучэб.-пед. выд-ва БССР, 1957. – 449 с.
13. **Rzepka, W. R.** Uwagi o rozwoju gen.-acc. pl. w polszczyźnie kresowej / W.R. Rzepka // Studia polonistyczne, 1976. – № 3. – С. 141–153.
14. **Kuraszkiewicz, W.** Gramatyka historyczna języka polskiego (podstawowe wiadomości z wyborem tekstów staropolskich do ćwiczeń) / W. Kuraszkiewicz. – Warszawa : Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1970. – 228 s.

Поступила в редакцию 25.01.2011 г.